Время детского счастья

Category: Goşgular,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Время детского счастья ВРЕМЯ ДЕТСКОГО СЧАСТЬЯ

Стучит обходчик по колёсам
до ре, до ре, дин-дон, бабах
в нём спрятан был с рожденья моцарт
а может бах

он был бы музыкант заправский
но он обходчик день-деньской
дороги курской, ярославской
иль костромской

* * *

Сделай, сделай перепост
моего стишка
он про то, что мир не прост
жизнь порой тяжка
и весь наш короткий век –
ссылка да этап,
на котором человек
очень часто – слаб.
Слаб и гадок. Глуп и груб.
Груб и глух, и нем.
А потом он просто труп,
а потом совсем
превратится в землю, в прах,
в прах и тлен. И вот
разве только в чьих-то снах
до поры мелькнёт.
Ты всё это знаешь сам
для чего ж – ответь –
ты стремишься к небесам
и не веришь в смерть?

И карабкаешься вверх,
как дурак Сизиф.
Отчего возможен смех?
Для чего ты жив?
Ухвати тоску за хвост
и секир-башка!
Делай, делай перепост
моего стишка.

* * *

Сквозит из всех щелей. Чернильными слезами
исплаканы глаза чахоточной зимы
и как-то всё не так, и словно всё не с нами
и словно сами мы — давно уже не мы
пока я кофе пил — неделя пролетела
пока я ночью спал — февраль почти слинял
но не освободить мне ни души, ни тела
не выбраться из-под тяжёлых одеял
Как с чёртом не играй в напёрсток или в карты
а шансов у тебя всегда лишь ноль из ста
за выдохом зимы — идёт дыханье марта
а с нового Поста — всё с чистого листа

М.М. (Марии Марковой)

Как-то раз в начале марта
я пришёл к поэту в гости
мы сидели на диване —
я, собака и Мария
и Мария говорила
что хотела бы уехать
в ту страну, где море, солнце
апельсиновые рощи
а что думала собака
насчёт этого — не знаю
деликатная собака,
молчаливая собака…

мы сидели, пили кофе
и болтали о литовских
замечательных поэтах
о кино, архитектуре
о политике немножко
и про то, что очень скоро
всё изменится в округе
до известного предела:
снег растает и настанет
светлый май, а после — лето
Зуб даю, что так и будет!
Так и будет, несомненно!

* * *

Что никак не уляжешься? Снова никак не спится?
Это вспомнится лето, турбаза с именем птицы
Иволги — где разливалась река, кузнечик в лесу пиликал.
Время детского счастья. Долгих школьных каникул.

Дед мой, матёрый плотник — что-то всё строил, строил
домики с парой комнат (в каждую комнату — трое
человек заселялось). Был он в работе — дока.
С «золотыми руками». «Вечный ударник» — о, как!

Мы рыбачили с дедом. Плавали в лодке с ним мы
по протокам, ловили плотву, густёру и прочих
ранним утром и вечером. Над головами нимбы
вспыхивали от солнца, солнце слепило в очи.

Память моя ты, память, — выглянешь, словно в щёлку,
вспомнишь краски заката, виденного когда-то.
Как называлась река-то? — Гусёлкой звалась, Гусёлкой.
А никакой не Летой называлась река та.

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ

1.

Ночь. Безводная пустыня
небо в звездах стынет
бесконечны и угрюмы
злые каракумы

и поныне, и поныне
бродит по пустыне
средь других бесплотных духов
Воин Фёдор Сухов.

2.

«Белое солнце встало, над океаном песка
волнами жар разливается – сух, как в печи, горяч
потом застит глаза, а в очумевших мозгах
перемешались слова: «саксаул, аксакал, басмач
туркменистан, каспий, арык, алыча, арак
скажешь «харам» сразу всплывёт «гарем»
революция, ленин, троцкий, дутов, колчак
кто эти люди? Знаю о них зачем?

крутятся-вертятся несколько странных фраз
«встретишь Джавдета – не трогай его – он – мой»
«стой, Верещагин, не заводи баркас»
…Сухов уже сто лет бредёт по пескам домой

и вспоминает, вспомнить не может, как
он очутился в этом своём аду
помнит про Катю, про Волгу а дальше – какой-то мрак
всё обрывается, в непонятно каком году

3.

«раненой собакой бредит командир» (Е.Л.)

Не семья, как у нас, а какая то карусель
Зарина, Джамиля, Саида, Хафиза, Гюзель
Лейла, опять же, далее – Зульфия
как скажет поэт, однажды, «маленькая, но семья»

да, еще – та, малая – с именем Гюльчитай! –
вечно со счёту сбивался, сколько их не считай.

Мне говорит Рахимов – веди, Сухов, их в Педжент
сам понимаешь, тут уж такой момент –
с ними то нам не угнаться за мужем их – Абдуллой
и бросить нельзя – ни одна не уйдёт живой
ежели Абдулла-то, случайно достанет их.
Дикие нравы. Абдулла ведь – из психов – псих.

Ну, надо так надо – повёл, значит их… веду
всё хорошо, но попал с ними я в беду
дошли до Педжента – следом – представь, дела! –
туда же, является, с бандою – Абдулла
что было дальше – про то – отдельный рассказ
жаль, что Петруху и Гюльчатай – не спас

Сколько их было, мёртвых – старых и молодых
а чаще всего вспоминаю я – именно их, двоих
Верещагина жалко, конечно. Был мужик неплохой
ну так и пожил немало. К тому же, ему – покой
был хуже горькой редьки. Встретил, хотя б свою
смерть он красиво, а в честном, считай, бою

всё ж не от водки помер, не пущен в расход ЧК
а вместе в баркасом взвился за облака.

* * *

Летят перелётные гуси
под ветра октябрьского вой
над всей проосененной Русью
над Вологдой, Псковом, Москвой
Их видят Великие Луки
в Тарусе им машет вослед
Маруся-бабуся и внуки
Марусины – бабка и дед
летит с ними ангел гусиный
и оберегает их строй

Все связаны целью единой
все спаяны общей судьбой
Как будто звенящие стрелы
из яростных луков зимы
летят и летят за пределы
в которых останемся мы

* * *

Снег выпал. С ним была плутовка такова –
Сбежала осень, сделав финт ушами
снег лёг на землю невесомой шалью
зима вступила временно в права
Я радуюсь зиме. Горячим чаем
Её приход (пусть временный) встречаю
И гостье рад – быть может, что не зря,
Надеясь, что мороз прочистит горло
Которое, как той вороне, спёрло
От воздуха сырого ноября.

* * *

Из пункта «а» до далёкого «б»
едет Овидий в воловьей упряжке
горько вздыхает в арбе о судьбе
всё повторяя: «грехи мои тяжкие
вот привелось мне стать жертвой интриг
надвое жизнь моя нынче расколота
сколько бы я ещё выпустил книг
каждое слово в них чистое золото
было бы – дальше – пиши не пиши
меж солдатнёй и шальными матросами
кто тут прочтёт мои вирши в глуши?! –
жадные скифы с очами раскосыми»?
О. заблудился в чужих голосах
бредя в дороге о Риме любимом
Вечер. Сломалась арба. В небесах –
крупные звёзды. А степь пахнет дымом

Как себе саван ты сам ни готовь
как ни дависъ от обиды ты – всё же
ночью стихи возвращаются вновь
Рим с них сползает, как старая кожа

* * *

Вот за это вот я и люблю
распорядок земной:
ты болтаешься долго, на самом краю
между тьмою и тьмой
а потом неожиданно выпадет снег
и не взять уже в толк
кто проходит по снегу вдали: человек
или пёс, или волк?
И такая повсюду стоит пелена
и такой над землей открывается вид
перемешаны там времена, племена
и холодная вечность сквозь дыры сквозит.

Об авторе: АНДРЕЙ ТАЮШЕВ

Родился в Саратове в 1968 году. С 2002 года живёт в Вологде. Автор книг «Об Пушкина» (в рамках проекта «Том писателей» Вологодского СРП, 2015 г.) и «Обходчик» (Москва, из-во «Пробел» 2018). Goşgular